

Народно-поэтические истоки повести «Сказки о кладах» О.М. Сомова

© М.И. ЖУРИНА,
кандидат филологических наук

В статье исследуется творческое восприятие О.М. Сомовым фольклорной фантастики, народно-поэтических рассказов о кладах, ставшее основой художественного мышления писателя.

Ключевые слова: повесть О.М. Сомова, фольклор, взаимовлияние, клады-оборотни, кладоискательство, народная демонология, папоротниковый цвет, разрыв-трава.

Обращение к народно-национальным истокам является одной из ключевых особенностей творческой манеры писателя-сказочника О.М. Сомова (1793–1833). Его внимание не раз привлекали удалые храбрецы и персонажи народной демонологии. В 1829 г. он открывает для себя художественную значимость преданий о кладах и создает «Сказки о кладах».

Картина народно-поэтических представлений о кладах раскрывается в этом произведении в беседе двух бывших сослуживцев, майора

и капрала. Из их разговора читатель узнает о существовании кладов двух родов. Это те, которые сами являются, и те, что в землю зарыты. Такое деление опирается на конкретные легенды о добычании и обретении кладов. Рассказчик-капрал приводит сказания старушки-нищенки и фронтового однополчанина, которые сами были искателями сокровищ.

Первый рассказ о кладе-оборотне предваряет описание быта внезапно разбогатевшей старушки. Ветхость ее жилья обрисована с помощью сказочных образов: «Хата ее чуть не вертелась на курьих ножках» [1. С. 170], а гостеприимство старушки передает поговорка: «не житьё, а масленица». Так в речь повествователя включается свойственная мировосприятию народа оценка жизненных явлений, основанная на сопоставлении с празднествами. Установка на фольклор явственно прослеживается не только в речи, но и в мышлении героя-рассказчика. Народное сознание с его стремлением к необыкновенному становится частью мировоззрения капрала. Все чаще, пытаясь объяснить благополучие старушки, вспоминает он бытовавшие в народе представления о ведьмах: «Почему знать, может быть, ей нужна моя кровь или жир, чтоб летать из трубы на шабаш?» [1. С. 171]. Однако как ни старался он «за нею подмечать», так и «не заметил ... никакого бесовского художества». Примечательно, что слово «художество», употребленное в ныне забытом значении «худого дела, дурного поступка и вообще порока» [2], характеризует капрала как православного христианина, отстраняющегося от «бесовских художеств», и в то же время суеверного человека. Обнаружив тайник с деньгами, герой-рассказчик снова оказывается во власти суеверных представлений: «Может быть – бродило тогда у меня в голове – если я до них дотронусь, то они рассыплются золою у меня в руке» [1. С. 172]. Мысли об обманчивости явления клада и его способности к превращению подтверждаются приводимым далее рассказом старушки о счастливом обретении богатства. Согласно народным убеждениям, явлению клада всегда сопутствуют определенные признаки. Так старушка из повести О.М. Сомова видит у себя в избе «белую курицу с светлыми глазами». Показательно, что белый цвет связывается в народном понимании с серебром, а свет уподобляется сиянию солнца и блеску драгоценных металлов.

Позднее выдающийся собиратель славянского фольклора А.Н. Афанасьев отметит: «Животные, в образе которых являются клады, имеют серебряную и золотую шерсть, а иногда просто – белую, красную, рыжую или жёлтую. Белый цвет указывает на серебро, а красный, рыжий и жёлтый – на золото» [3. С. 188]. Поверья о кладах, являвшихся оборотнем, широко распространены в славянском фольклоре. Первичные народные представления о кладах и кладоискателях доносят до нас жанры нескладочной прозы. Сокровище показывается пестренькой кошечкой

[4. С. 312–313] и может прикинуться барашком [5. С. 242]. Порой клад принимает совершенно небывалый вид: «по валу идет к ним медведь не медведь, человек не человек, а сами не могут понять, что за чудовище. По одеже будто солдат! Глазища – как плошки; так и прядают, как свечи; нос кривой, как чекушка, ручищи – что твои грабли; рыло всё на сторону скошено...» [4. С. 319]. Очень часто клад является человеком, им оказывается тяжелый и грузный старик с батожком и безобидная маленькая девочка [Там же. С. 320–321]. В золото превращаются козлёнок, золотая курушка [5. С. 241] или телёнок [4. С. 322]. Одного явления клада еще недостаточно: очень часто он исчезает так же легко, как и появляется. Теряется в черёмушках золотая курушка [5. С. 241], бесследно пропадает сундук, охраняемый свиным рылом, рассыпается грудой камней баба с рогами [Там же. С. 243].

Порой, чтобы получить клад, нужно действовать вопреки обстоятельствам. Так, в бывальщине «Драгоценный батожок» лодочники долго сожалели о том, что не взяли с берега грузного старика: в таком облике им клад давался. Все это происходит от неумения «зачурать» клад [Там же]. Слово «зачурать» восходит к имени Чур – божества, освящающего право собственности. По наблюдению А.Н. Афанасьева, «Слово чур получило значение проведенной черты (межи), как это очевидно из наречия через-чур и пословицы: “через чур и конь не ступит”» [3. С. 50]. Следовательно, для того чтобы обрести клад, нужно перенести его из сферы чужого за черту своего. Веками складывавшийся народный опыт дает различные советы, как это осуществить.

Для получения сокровищ необходимо знать способы обратного превращения клада-оборотня. Наиболее распространена версия оборачивания от удара. Так рассыпается золотом брошенная собака [5. С. 243], превращается в арапчики-голландчики кинутый батожок [4. С. 316]. Но одного удара не всегда бывает достаточно. Брошенный на землю козлёнок легко встает на ноги и вновь прячется под амбаром, а на месте рассыпавшейся золотом девочки оказываются угли [Там же. С. 321]. Народная фантазия закрепляет за кладом право быть загадочным, недосыгаемым, овеванным тайной.

В произведении Сомова секрет обратного превращения клада-оборотня открывается посредством сонного видения, характерного для художественных произведений литературы Древней Руси. Во сне к старушке приходит почтенный старец. Дважды он призывает не упускать счастья и по просьбе старушки учит ее «зачурать» клад: «Возьми палку... и когда оно покажется тебе снова, то помни: на третьем его обходе вокруг хаты ударь по нем, да меть по самому гребню; а после живи да поживай, славь бога и делай добро» [1. С. 173]. «Положив на себя крестное знамение, чтобы, какова не мера, не поддаваться вражьему искушению», старуха выполнила наказ посланника, и, как только она

это сделала, курица рассыпалась перед нею крупными и мелкими серебряными деньгами.

Не сомневаясь в существовании кладов-оборотней, майор все же надеется отыскать сокровище под землей. В ответной реплике капрал заявляет о двух разновидностях зарытых кладов: сокрытых с заговором и без него. Наибольших усилий требует добывание заговоренного клада. Согласно народным представлениям, неопределимую помощь в нахождении спрятанных богатств могут оказать чудеса растительного мира: разрыв-трава и папоротниковый цвет.

Применение разрыв-травы в деле кладоискательства была отмечена И.П. Сахаровым: «В народных преданиях доселе есть поверье о кладах, скрываемых по разным местам. В старину, говорят старики, разбойники зарывали нагребленное имущество в землю на известное число лет, запирали железными дверьми с огромными замками, а ключи бросали в воду. Сила человеческая недостаточна бывает для разрушения этих дверей и замков, потому что нечистая сила, которой поручено стеречь клад, защищает его своею спиною. Кто же может бороться с нечистою силою? Русский поселянин бежит от такой борьбы. Кладокопатели издерживают большие суммы на получение разрыв-травы» [6. С. 90–91].

Для того чтобы увидеть разрыв-траву в действии, необходимо ее добыть. Вот что предстоит сделать в таком случае, по утверждению О.М. Сомова, кладоискателю: «Надобно найти гнездо кукушки в дупле, о той поре как она выведет детей, и забить дупло наглухо деревянным клином, после притаиться в засаде и ждать, когда прилетит кукушка. Нашедши детёнышей своих взаперти, она пустится на болото, отыщет разрыв-траву и принесет в своем носике; чуть приложит она траву к дуплу, клин выскочит вон, как будто вышибен обухом; в это время надобно стрелять в кукушку, иначе она проглотит траву, чтоб люди ее не подняли» [1. С. 174]. Трудность добывания чудодейственной травы усиливается за счет введения алогизмов – фактов, противоречащих реальной действительности. Общеизвестно, что кукушка не имеет гнезда и не может охранять того, чего не существует, следовательно, подобный способ получения разрыв-травы в реальном мире изначально невозможен. На сходном, не отвечающем законам природы явлении основывается другое поверье, где хозяйкой гнезда становится не кукушка, а черепаха [7. С. 432].

Не менее любопытен *папоротниковый цвет*, или *цвет кочедыжника*, который «добывать еще труднее; он цветет в одну только пору: летом, под Иванов день, в глухую полночь» [1. С. 174].

Папоротниковый цветок – заветная мечта любого кладоискателя. Слово *папороть* А.Н. Афанасьев возводит к глаголу *парить*, а яркий огненный цвет папоротника сближает его с мерцающим огоньком, который еще в «Житии Бориса и Глеба» считался символом клада. Со-

гласно народным представлениям, «при отыскании земляных богатств, кладокопатели бросают цвет кочедыжника вверх. Если где есть клад, этот цвет будет носиться над ним, как звезда, и прямо упадет на землю» [6. С. 90]. Однако достать цвет кочедыжника удается далеко не каждому: «Доселе еще в деревнях нет примера, чтобы кто-нибудь мог сорвать цвет кочедыжника, кроме чародеев» [Там же].

Добыть клад в фольклорной традиции означает, прежде всего, одержать победу над собой, преодолеть собственные страхи. В основе большинства народных рассказов о кладах заложена позитивная идея: только смелый, бесстрашный человек достоин клада, только он способен обрести цветок папоротника. Всякий заговоренный клад связан в народном представлении со сверхъестественной силой. Не случайно родители настороженно воспринимают детские рассказы о вылезающем из-под пола барашке [5. С. 242] или появлении пестренькой кошечки [4. С. 312].

На месте заговоренного клада то влево, то вправо хороводятся недобрые черные кошки, сундук с кладом стережет чудовищное свиное рыло [5. С. 241–243]. На страже богатств всегда стоит нечистый и страшает кладокопателей: «Вдруг откуда ни возьмись налетело каких-то белых одеяний. И ее стали за подолы таскать ... А на нее напали эти гэрманы, ее тащат со всех концов. А она со страху не знает, куда ей деваться» [Там же. С. 245].

Порой встреча с кладом заканчивается совершенно неожиданно. Она не только не ведет к желаемому обогащению, но и забирает самое ценное, что есть у человека – его жизнь: «От страха работник тут же на месте упал; хворал после этого и вскоре умер» [4. С. 320]; «и все же она не могла выдержать этой страсти, померла: с ней разрыв сердца». Так народное искусство утверждает мысль о том, что клад дается лишь отважному, способному пересилить свой страх.

Поверье о чудесном папоротниковом цветке О.М. Сомов воспроизвел во втором рассказе капрала. Его сослуживцу Ивану Прытченко в молодости довелось ходить за цветком кочедыжника. Столкновение с неведомым благотворно повлияло на характер героя, сделало его смелым и бесстрашным в бою. О том, как добыть папоротниковый цветок, герой узнает от нечистого духа, вселившегося в тело бесноватой девушки. Подобный источник информации вполне соответствует народному понятию, ведь нечистая сила охраняет папоротник и сама срывает его цвет [6]. Вот что услышал герой от беса: «под Иванов день, около полуночи, ступай сам-третий в лес, в самую глушь. Чтоб вы ни видели, ни слышали – будьте как без ушей: бегите бегом вперед, не оглядывайтесь назад, не слушайте ничего и не откликайтесь на зов. Вас станут манить – не глядите; вам станут грозить – не робейте: все вперед, пока не увидите, что в глуши светится; тогда один из вас должен бежать на это светлое,

рвануть изо всей силы и крепко зажать его в руке. После все вы трое должны бежать назад, так же не останавливаясь, не оглядываясь и не откликаясь» [1. С. 179].

Мрачная атмосфера, созданная бесовским откровением, усугубляется его пожеланием: «Теперь вон отсюда: желаю вам всем троим сломить там головы!». В свете собранных Сахаровым сказаний русского народа становится понятным бесовский наказ не оглядываться: «Если он оглянется на зов, то нечистая сила свертывает голову, или задушивает, или одурачивает на всю жизнь» [6. С. 90].

С наступлением назначенного времени жуткая какофония одолевает героев. Нечистый пытается смутить их звуковым хаосом: «вдруг поднялись и крик, и вой, и рев, и свисты: то будто гром прокатывался по лесу, то рассыпной грохот раздавался из конца в конец, то слышался детский крик и плач, то глухие, отрывистые стоны, словно человека перед смертным часом, то протяжный, зычный визг, словно тысячи пил бегали и резали лес на пильной мельнице. Чем далее шли мы по лесу, тем слышнее становились все эти крики, и стоны, и визг, и свисты; мало-помалу смешались они в нескладный шум, который поминутно становился громче и громче, слился в один гул, и гул этот, нарастая, перешел в непрерывный, резкий рев, от которого было больно ушам и кружилась голова» [1. С. 179–180].

Следующие далее зрительные образы сопровождают продвижение героев к цветку: «В глазах у нас то мелькали светлые полосы, то как будто с неба сыпались звёздочки, то вдруг яркая искра светилась вдали, неслась к нам ближе и ближе, росла больше и больше, бросали лучи в разные стороны и, наконец, почти перед нами, разлеталась как дым» [Там же]. Так Сомов передает метаморфозы цветочной почки.

Позднее И.П. Сахаров опубликует народные представления о цветении папоротника: «Она (цветочная почка. – М.Ж.) то движется вперед и назад, то заколешется как речная волна, то запрыгивает как живая птичка. Все это происходит от того, что нечистая сила старается скрыть от людского взора дорогой цвет. Потом, ежеминутно увеличиваясь и вырастая вверх, цветет как горячий уголь» [6. С. 89]. Возможная аналогия закрепляется в конечном этапе цветения. И у Сахарова и Сомова эта стадия сопровождается треском: «Наконец, ровно в 12 часов, с треском, развертывается цвет, как зарница, и своим пламенем освещает около себя и вдали» [Там же]; «Гул и рев, становясь все сильнее и сильнее, вдруг зарокотал у нас в слухе с таким треском как будто бы тысячи громов, тысячи пушек и тысячи тысяч барабанов и труб приударили вместе» [1. С. 180]. Кульминация цветения папоротника явилась переломным моментом в поведении героев: «страх перемог», и они бросились бежать, не проделав и половины пути, указанного бесом. Добыча цветка коведыжника оказалась очередной неудачной попыткой получения «не-

трудового» богатства, а ее трагичные последствия оставили неизгладимый след в памяти героя: в этот день от страха скончался его отец.

Фольклору известны как более удачливые персонажи, так и более изощренные бесовские хитрости. Кабальный холоп из рассказа «Ночь на Ивана Купалу», вытерпел и жуткий свист, и шум, и гам, и хохот; в своем стремлении к цветку он не испугался чёрта верхом на индейском петухе, не убоился принятого за цветок чёртового рога. Ему как смелому человеку удалось сорвать цветок, сиявший «точно на стебельке в огне уголек лежит» [4. С. 317], но герой не смог удержать своей добычи. Черти использовали против него особую бесовскую хитрость – мороку, то есть умение заставить других видеть то, чего нет в действительности. Так к холопу явился нечистый в облике барина и, предлагая вместе искать клад, вынудил его отдать колдовской цветок, а вместе с ним ушла и надежда на счастье.

Попытки обретения папоротникового цветка заведомо обречены на провал, так как осуществляются без божьей помощи, в обход православной традиции. Не случайно холоп кабальный, перед тем как отправиться на поиски, «скинул крест, не молясь Богу, в одиннадцать часов ночи и пошел в лес» [Там же]. Да и добывая цветок, он, по замечанию сказителя, ни разу не перекрестился.

Утрачивает осознание истинных, христианских ценностей и отец сомовского Ивана Прытченко. Сделавшись по воле случая бедняком, он так и не смог смириться с потерей своего богатства. Деревенский священник отец Герасим не раз пытался втолковать ему библейскую истину о том, что богатство – это прах и приводил ему легенду об Иове, который «при всякой новой беде не роптал и еще благословлял имя божие» [1. С. 176]. Однако отец Ивана не находит в себе внутренних сил, чтобы смириться со своим положением и, пребывая в грехе уныния, в конце концов гибнет. О.М. Сомов и здесь сопоставляет две традиции: языческую и христианскую, доказывая преимущества последней и губительность для души человеческой не иметь богобоязни и смирения.

Народные представления глубоко проникают в сознание другого героя произведения Максима Кирилловича Нешпеты. Сначала он соглашается с капралом, который сопоставляет «злого духа» с «лукавым перемётчиком» на фронте. Оба сослуживца находят параллели между нечистым и реалиями их современности. Ночью во сне воображение майора создает новые картины: «То в руках у него был золотой цветок, от которого всё, на что майор ни взглядывал, превращалось в груды золота ... То снова был он на охоте ... и заяц рассыпался перед ним полновесными рублёвиками» [1. С. 181–182]. Рассказы о кладах повлияли и на поведение майора. В погоне за сокровищами он становится причиной гибели белой кошки, светившейся в темноте и принятой за клад-оборотень, и перерывает «добрых десятка три мест в разных урочищах» [1. С. 202].

Однако клад, по иронии судьбы, дается ему в родовом наследстве, которое майор обнаруживает в том самом сундуке, где ранее была найдена тетрадь со сказаниями о кладах, пробудившая его кладоискательские интересы.

Предания о кладах творчески воспринимаются автором повести. Не случайно в финале произведения Сомов вкладывает в уста Власа насмешливую угрозу: «Иначе щеки ... твои рассыплются кладом» [1. С. 216]. Смысл этой фразы становится понятным только по прочтении всей повести. Корыстный Ицка Хопылевич уже пытался однажды завладеть тем, что ему не принадлежит, и спрятал деньги за щекой. Именно Власу удалось обличить вора. Произнося вышеуказанную фразу, он, должно быть, намекает на возможность повторного разоблачения.

Как видим, народно-поэтические представления о кладах во всем многообразии нашли отражение в «Сказках о кладах» О.М. Сомова. Это и было творческой удачей художника, собравшего народные рассказы, и стремившегося «рассеять их в разных повестях» [1. С. 217].

Литература

1. *Сомов О.М.* Сказки о кладах // *Сомов О.М.* Были и небылицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Н. Петруниной. М., 1984.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980.
3. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1995. Т. 2.
4. Клады и кладоискатели // Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1992.
5. О кладе // Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н.А. Криничной. М., 1989.
6. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым: Сборник / Вступ. статья, подгот. текста В. Аникина. М., 1989.
7. *Забьлин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.

*Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева
Чебоксары*